

Первый день на Марсе

Владимир Саяпин

Владимир Саяпин
Первый день на Марсе

«Автор»

2026

Саяпин В.

Первый день на Марсе / В. Саяпин — «Автор», 2026

Максим летел на Марс за мечтой. Он оставил на Земле всё — дом, любимую, будущее — ради науки. Но реальность встретила его ржавыми воротами, угрюмыми напарниками и лабораториями, которых нет. Мечты рухнули с порога. Первый же день на красной планете обещал стать первым днём его конца. А потом он заметил странность. Маленькую, почти незаметную аномалию в энергосистеме, на которую никто не обращал внимания. Странность, которая превратила этот день в незабываемый. Твёрдая научная фантастика о том, что всегда и везде можно найти больше, чем ты искал.

© Саяпин В., 2026

© Автор, 2026

Владимир Саяпин

Первый день на Марсе

Владимир Саяпин

Первый день на Марсе

2026

Глава 1. Жёлтая пыль

Капсула челнока была тесной, но эта теснота ощущалась как объятие. Стены, выгнутые плавными лекалами, сияли матовой белизной — той стерильной, успокаивающей чистотой, которую показывают в роликах о светлом будущем. Даже воздух казался немного сладковатым от работы фильтров. Иллюминатор перед креслом, огромный, во всю стену, был сейчас главным экраном в жизни Максима. Кресло приняло его тело, подстроилось под спину и шею мягкими, почти живыми толчками пневматики, и невесомость отступила, сменившись приятной тяжестью.

За стеклом висела планета.

Марс уже не был тем кроваво-красным шаром с открыток. Тетраформирование, это случайное, побочное дитя чудовищных заводских выбросов, выкрасило всё в неестественный, болезненно-жёлтый цвет. Жёлто-оранжевый, как застарелый синяк, с остаточной ржавчиной древних пустынь. Максим прилип взглядом к иллюминатору. Полярные шапки блестели грязноватым, слоистым льдом, но весь остальной диск планеты покрывали искусственные насыпи — длинные, геометрически ровные линии грунта, пересекающие природный хаос. Заводы, о которых он читал, прятались там, глубоко под землёй, но след их работы витал повсюду. Облака, сгенерированные химическими реакторами, тянулись по небу рваными жёлтыми полосами, подсвеченными низким солнцем.

Особенно сильно его взгляд приковала пылевая буря. Она разворачивалась прямо по курсу, занимая четверть видимого горизонта. Это был не просто ветер с песком. Огромный, клубящийся купол цвета тёмного шафрана, пронизанный изнутри частыми вспышками электрических разрядов. Молнии сверкали беззвучно, ветвясь алыми и голубыми корнями по взвеси радиоактивной пыли. Зрелище завораживало, как взгляд в пасть хищника: красиво до дрожи, но сулит немедленную смерть. Челнок скользил над этим яростным безмолвием плавно, не вздрагивая.

В животе у Максима похолодело. *Смогу ли я?* Пустота планеты давила. Там, под этими насыпями, скрывались лаборатории, исследовательские боксы, проекты, которые он мечтал возглавить. Но сейчас, с орбиты, планета казалась чудовищным, глухим склепом. Где-то там, под слоями радиоактивной пыли, его ждало открытие. Или провал. Мысль дрогнула и сорвалась, уносясь в прошлое.

Он вспомнил её лицо. Сразу же. Глаза, наполненные влагой, но не проронившие ни слезинки. Он тогда смотрел в иллюминатор, но видел небо Земли. Земля была сном, от которого он только что проснулся. Мир, переполненный чудесами на любой вкус: шпили зданий терялись в стратосфере, оплетённые светящимися лозами модифицированных садов. Розовые, синие и золотые цветы каскадами свисали со стеклянных фасадов, переливаясь под лучами искусственного солнца. Парящие платформы беззвучно скользили над улицами, заполненными людьми. Голографические вывески наслаивались на реальные витрины, создавая слоистую, кричащую перспективу. В толпе никто не смотрел на эту красоту — она была привычной, как воздух. В центре этой вакханалии цвета и движения стояла она. Она смотрела сквозь стекло, не видя ни садов, ни летящих платформ, ни мельтешения голограмм. Только его лицо. Её пальцы сжаты в кулаки, губы плотно сомкнуты, плечи расправлены, но в глазах — немой укор и мол-

чаливое прощание. Он тогда понял, что никогда по-настоящему не смотрел на мир, из которого уезжал. Он увидел его впервые, когда решил покинуть.

Максим нахмурился, прогоняя наваждение. Нельзя. Он не может её подвести. Она осталась ждать, и она была права, когда обижалась. Он принял это решение один, за двоих, но другого шанса не будет. Изменить мир можно только здесь. Он вернётся. Вернётся через несколько лет прославленным учёным, ну, или хотя бы именитым специалистом. Обязательно вернётся.

В капсуле было тихо. Только мягкий, почти кошачий гул двигателей и ласковый, обволакивающий голос искусственного пилота, который бесстрастно сообщал о снижении температуры за бортом. Комбинезон учёного сиял чистотой, вшитые светоотражающие волокна мягко пульсировали под светом приборной панели, переливаясь синими и белыми огоньками.

Челнок плавно пошёл на посадку.

В момент касания капсулу едва заметно тряхнуло. Мягкий толчок, и посадочные опоры с шипением поглотили удар. За бортом взметнулась жёлтая, удушливая пелена. Голос пилота, такой же сладкий и спокойный, напомнил, что длительное пребывание на поверхности без защиты опасно для жизни, попрощался и смолк.

Шлюз открылся, и Максим ступил на Марс. Он сразу инстинктивно уткнул лицо в воротник комбинезона. Воздух был сухой и пах озоном вперемешку с чем-то едким. Перед ним, сразу за зоной осаждённой пыли, возвышался космопорт. Это было низкое приземистое здание под насыпью марсианского грунта. Стены из когда-то белого пластика, пошедшего трещинами. Швы разошлись и были грубо, неряшливо заклеены слоями серого, пузырящегося от времени скотча. Штукатурка на бетонных вставках висела чешуёй, краска облупилась.

Он вошёл внутрь, и его обдало запахом затхлости и старого табака. Узкий коридор вёл в помещение, похожее на провинциальную автобусную станцию времён столетней давности. Пара продавленных, с вылезавшим жёлтым поролоном кресел стояли вдоль стены. Стены были выкрашены в казённый зелёный цвет, покрытый сетью мелких трещин. Двери, ведущие вглубь, были металлическими, с рыжими подтёками ржавчины из-под крепежа. И здесь его ждали двое.

Первый, что стоял чуть впереди, был неопрятен. Сальные, тёмные волосы торчали в разные стороны, на лице — густая, минимум недельная щетина, переходящая в неровную бороду. Его синяя рабочая куртка была заляпана тёмными пятнами смазки, а под ней виднелся несвежий воротник. Глаза опухшие, взгляд злой, уставший, впился в Максима с порога. Рядом с ним второй, чуть ниже ростом. Этот выглядел аккуратнее — волосы коротко стрижены, одежда тоже грязная, но сидит ровнее. Он был хмур и тяжёл. Взгляд из-под низких бровей ничего не выражал, но был холоден, как рентгеновский снимок. Первый стоял слегка ссутулившись, и всё равно казался выше своего напарника, его нервная энергия выплёскивалась в мелких движениях рук.

— Это вот — Аркадий Петрович, — без предисловий махнул он в сторону хмурого. Тот коротко кивнул и сразу отвернулся.

— Леонид, — слегка поклонился неопрятный, скривив недовольное лицо в пародии на учтивость. — Добро пожаловать в передовую науку! — его тон сочился ядом. — Теперь пошли, за простой нам не доплачивают.

Максим замер на секунду. Взгляд его зацепился за плафон под потолком. Лампочка не горела. Просто перегорела. *Разве такое бывает? Почему роботы её не сменили?* В голове всё перемешалось. Эта разруха, грязь, эти двое, больше похожие на грузчиков с забытой богом стройки, чем на учёных. Но они уже уходили. Максим отбросил сомнения, нагнал их, растянул губы в радостной улыбке, неуклюже протянул руку из-за спины:

— Максим Викторович!

Леонид шагнул, не оборачиваясь. Аркадий Петрович тоже. Максим слегка нахмурился, рука повисла в воздухе.

— Ладно, — сказал он себе под нос, убирая ладонь, и быстро зашагал следом.

Марсоход, стоявший у выхода, выглядел так, будто мысль о передвижении была для него кощунственной. Это был угловатый, грубо сваренный внедорожник на восьми больших колёсах с ребристым протектором. Жёлтая краска на корпусе облезла кусками, обнажая ржавчину и заплатки из другого металла, прихваченные неровными сварочными швами. Смотровое стекло в царапинах. Максим даже отступил на шаг назад.

— Я... мы на этом поедем?

На него не обратили внимания. Марсианский воздух был странным, не красным, а именно жёлтым, с оттенком серы. Свет низкого солнца делал камни и песок вокруг не просто жёлтыми, а будто светящимися изнутри, тёплым, оранжево-янтарным тоном. Максим, пряча лицо, забрался внутрь.

Салон был под стать корпусу. Приборная панель напоминала лоскутное одеяло: круглые циферблаты соседствовали с квадратными дисплеями, один из которых был заметно меньше разъёма и держался на куске жёлтой изоляции. При езде этот дисплей подпрыгивал в своём гнезде, рискуя выскочить совсем. Сиденье под Максимом оказалось фанерно-жестким, без намёка на амортизацию. Машина тронулась. За окном поплыл однообразный, давящий пейзаж. Бескрайняя жёлто-оранжевая равнина, изрытая кратерами и усеянная камнями. Абсолютно пустая, молчаливая, мёртвая. Тишина в салоне смешивалась с гулом мотора, и эта пустота за бортом давила на виски.

Максим хотел заговорить, но замер. Леонид, одной рукой держа руль, второй спокойно достал из-под сиденья металлическую, потёртую флягу. Запрокинул голову и влил в себя содержимое. Глоток был долгим. Он выдохнул с хрипом и крикнул:

— Ах, хорошо! Сразу солнце светит ярче.

Его и без того хриловатый голос стал совсем сильным. Аркадий Петрович сидел неподвижно, глядя прямо перед собой. Максим вспыхнул.

— Надеюсь, это связано с вашими исследованиями, — вырвалось у него со злостью.

Леонид резко, всем корпусом, обернулся назад. Его опухшие глаза впились в Максима.

— А я надеюсь, что ты заткнёшься нахрен и починишь головную станцию, на которую никто не хочет выделять деньги, из-за чего мы возимся с ней каждый день уже пару лет!

Максим оцепенел. Машина неслась по камням, а Леонид всё смотрел на него, не глядя на дорогу. Затем фыркнул, отвернулся и снова приложился к фляге. Через минуту молчания, когда тишина стала уже звенящей, Леонид бросил фразу, не поворачивая головы:

— Думаешь, ты тут самый умный? Да ты даже не знаешь, в какую жопу ты устроился сантехником.

Грубое слово ударило наотмашь. Максим сидел, широко раскрыв глаза.

— Я не устраивался сантехником... — попытался он возразить, но голос предательски дрогнул.

— Вот об этом я и говорю, — обрубил Леонид.

Максим замолчал. Он ехал, не замечая тряски, не чувствуя жёсткого сиденья, на котором каждый камушек отдавался прямо в позвоночник. Мир сузился до одной мысли. Его жизнь, его надежды, контракт — всё это только что пошатнулось. *Это какой-то розыгрыш. Или нет?* Сердце колотилось, но он загнал панику внутрь. *Я просто уволюсь. Кто мне мешает?* Эта мысль стала спасательным кругом. Он перевёл дыхание, стараясь вернуть лицу спокойное, осмысленное выражение.

Марсоход затормозил у въезда в подземную лабораторию. Это были огромные железные ворота ангара, врезанные прямо в склон искусственной насыпи. Толстые листы металла, покрытые облупившейся, когда-то зелёной краской, поела ржавчина. Когда створки поползли в стороны, раздался жуткий, режущий слух скрип, от которого по коже у Максима прошёл мороз. Внутри ангара царил темнота. Горела едва ли половина ламп, образуя неров-

ные лужи тусклого света. Но Леонид даже не притормозил. Марсоход влетел в тоннель и понёсся во мрак. Максим вцепился в сиденье. Свет редких ламп мелькал, выхватывая из темноты голые стены. Впереди, в конце тоннеля, стало проявляться что-то сплошное, тёмное. Слишком быстро. Это был тупик. Сердце ухнуло вниз, Максим набрал воздух, чтобы закричать, но марсоход встал как вкопанный, взвизгнув колодками. Леонид открыл дверь и спокойно вышел. Аркадий Петрович последовал за ним. Максим сидел, чувствуя тошноту и оглушительный стук собственного сердца. Он выбрался наружу на ватных ногах.

Они прошли сквозь тяжёлую дверь в основное помещение. Света стало больше, но он всё равно был тусклым, серым. В нос ударил густой, застоявшийся запах сырости и плесени. Коридор встречал их хаосом. Из разобранных пластиковых панелей обшивки, словно чёрные змеи, торчали кабели, схваченные пластиковыми стяжками и перемотанные где нужно изолентой. Металлические пластины пола лежали неровно, прогибались под ногами и гулко скрипели. Максим шёл и считал перегоревшие лампы.

Леонид распахнул дверь в лабораторный отсек и сделал театральный жест рукой:

— Вот ваше место для будущих исследований!

Это была свалка. Горы металлолома, фрагменты разбитых установок, мотки проволоки, пластиковые обломки громоздились до самого потолка. Леонид не дал ему опомниться. Быстрым шагом он провёл его мимо пары таких же заваленных комнат.

— Это кухня.

Максим заглянул внутрь. Два колченогих стола на четыре человека каждый. На одном из них — забитая до краёв серым пеплом пепельница и стояла недопитая бутылка с тёмной жидкостью. В углу тускло поблёскивал стандартный автоповар.

— Это туалет, ванная, твоя комната, — скороговоркой бросил Леонид. — Можешь делать что хочешь. До завтра ты ещё свободный человек, а завтра начинаешь обслуживать интересы... Ой, я хотел сказать, завтра вы начинаете свою научную работу, конечно.

Максим остался один в коридоре. Вокруг всё было залатанное, протекающее, грязное. Где-то за стенкой мерно, с ритмичным треском, простукивало электричество. Он пошёл на этот звук и в тупике коридора нашёл робота-уборщика. Машина беспомощно дёргалась, заколебавшая цепь щёлкала внутри пластикового корпуса. Руки Максима, соскучившиеся по делу, сами потянулись к контактам. Минута работы — и робот, утробно зажужжав, заскользил по полу, оставляя за собой влажный чистый след.

Позже он вышел в общий коридор. Дверь в комнату Аркадия Петровича была герметично закрыта. На кухне, вполоборота к нему, сидел Леонид. Из-за его плеча поднималась синеватая, тонкая струйка дыма от сигареты. Мужчина опрокидывал рюмку. Максим нахмурился, взглянув на часы на панели. До восьми вечера было ещё далеко. Он проглотил злобу и пошёл в лабораторию.

То, что он увидел, было крахом. В последней комнате завалов не было. Всё оборудование здесь было разобрано намеренно. Остовы станков, распотрошённые модули анализаторов, а в углу, из обломков толстых кабелей и металлического профиля, был сооружён спортзал. Штанги с блинами из спрессованных деталей, турник, прикрученный к силовой балке, брусья из обшивки. Это был не разгром. Это была насмешка. Максим хотел броситься и разломать всё это, но силы вдруг оставили его. Он медленно сполз по стене на корточки. Как он это объяснит ей? Как вернётся? И тут прозвучал самый страшный вопрос. Он прошептал его вслух, укрывая лицо ладонями:

— А смогу ли я?

И внутри что-то оборвалось.

— Что же я наделал...

Тишину разорвал сигнал. Это была не сирена тревоги, а скорее строгий, лабораторный зуммер. Звук напоминал уведомление о начале конференции в институте. Максим вышел в

коридор, застёгивая куртку, и столкнулся с Леонидом и Аркадием Петровичем. Старик молча прошествовал мимо, словно тень. Леонид хлопнул его по плечу:

— Собирайся, пора потрудиться во славу толстой жопы земных чиновников... я хотел сказать, во славу науки.

Максим быстро схватил первую попавшуюся куртку, даже не глядя на другие вещи, и, догоняя их у выхода, выпалил:

— Это не смешно.

Леонид обернулся, вопросительно изогнув бровь.

— Я уже всё понял, — Максим старался, чтобы голос звучал твёрдо. — И я не собираюсь слушать бредни о каких-то чиновниках круглосуточно. Я просто уволюсь.

Леонид усмехнулся. Его треснувшие губы разъехались в улыбке, обнажив зубы.

— О! Ха-ха! Удачи.

Марсоход взревел и сорвался с места, вылетая в раскрывшиеся ворота наружу, в жёлтый сумрак.

Они мчались по ухабам, когда Леонид, лавируя одной рукой, другой полез в закреплённую у сиденья сумку. Он извлёк оттуда предмет, от которого у Максима перехватило дыхание. Это было похоже на оружие. Тяжёлый, грубо сваренный корпус, набор оптоволоконных нитей, заплетённых в жгут, и массивный, самодельный конденсаторный блок. Максим с интересом учёного уставился на устройство, забыв об обидах. Леонид заметил его взгляд.

— Преобразователь фокусирующего излучателя, — сказал он, любовно поглаживая ствол. — Самопал. Представь себе лазер, но не непрерывный луч, а короткий импульс сжатого света. Внутри этого ствола — набор оптоволоконных каскадов и несколько затворов из арсенида галлия. Они накапливают энергию от носимого конденсаторного блока, сжимают её в импульс длительностью в несколько фемтосекунд и выпускают через фазированную решётку. Получается не просто прожигание — это удар фотонной волны. На короткой дистанции он ионизирует воздух до плазмы и создаёт ударный фронт. Как молния, только направленная. Нестабильно, потому что каскады перегреваются, а система охлаждения — кустарная, на тепловых трубках от старого спутника. Если передержать — рванёт прямо в руках.

— Лазерная пушка? — выдохнул Максим.

Леонид сразу остыл, лицо его снова приняло скучающее выражение.

— Ну можно и так сказать.

Он аккуратно убрал оружие в специальный, выложенный поронолом ящик и прибавил скорость. Марсоход, гремя всеми своими заплатками, полетел по каменистой равнине, поднимая за собой облака жёлтой пыли.

— Пора пострелять, — прокомментировал Леонид, уже спокойнее, с довольной хрипотцой в голосе. — Хоть что-то приятное за этот месяц, а не только чистка всяких труб с дерьмом.

Он повернулся к Максиму, и в его глазах заплясали злые, весёлые искры. Голос стал преувеличенно бодрым и церемонным:

— Вы готовы, младший научный сотрудник передового марсианского научного центра исследований?

Он выдержал паузу, глядя на бледное лицо Максима, и, резко крутанув руль, добавил:

— Повеселимся.

Вездеход скрылся в клубах жёлтой пыли, уносясь вглубь мёртвой пустыни.

Глава 2. Мутанты

Марсоход нёсся по жёлто-оранжевой равнине, взбивая широкими колёсами густые облака пыли. Пыль эта, тонкая, как тальк, оседала на смотровых стёклах медленной желтоватой плёнкой, отчего пейзаж за бортом казался подёрнутым старинным светофильтром. Внутри салона стояло напряжённое, звенящее молчание. Максим сидел, вцепившись пальцами в край

жёсткого сиденья. Его взгляд беспокойно метался между пустыней, проплывающей в заляпанном иллюминаторе, и металлическим ящиком с оружием, закреплённым у кресла Леонида. Ящик подпрыгивал на ухабах, издавая глухой, тяжёлый стук.

Леонид одной рукой удерживал руль, небрежно откинувшись в своём продавленном кресле, а второй ткнул в голографический план, висящий прямо над приборной панелью. Картинка была размытой, подрагивала от вибрации корпуса, но структура угадывалась: несколько ярусов тоннелей, переплетённых, как корневая система, с выделенным алым цветом участком.

— Смотри сюда, — его хриплый голос перекрывал гул мотора. — Сектор семь-Гэ. Твари повредили накопители. Надо зачистить гнездо и вернуть подачу энергии. Проще пареной репы.

Аркадий Петрович сидел на откидном сиденье, расставив ноги для устойчивости. В его морщинистых руках, лежащих на коленях, покоился тот самый преобразователь. Он проверял его молча. Пальцы, короткие и узловатые, двигались с отточенной сноровкой: открыли затвор, осмотрели каскад оптоволокон, вщёлкнули на место конденсаторный блок. Оружие в его руках выглядело как привычный слесарный инструмент, как молоток в ладони плотника.

Максим наконец не выдержал. Слова вырвались громче, чем он хотел:

— Стоп-стоп! Какие ещё мутанты? На Марсе нет местной фауны!

Леонид скосил на него глаз, в котором заплясали насмешливые искры:

— Теперь есть. Добро пожаловать в результаты случайного терраформинга.

Он вздохнул, явно повторяя заученный и надоевший ему самому текст:

— Протечка радиации из старых реакторов. Органика из технических отходов. Перепад температур. Получились ящеры. Слепые, агрессивные, с экзоскелетом. Жрут кабели, потому что их привлекает тепло и электромагнитное поле.

Максим представил себе эти создания — и не смог. Воображение рисовало лишь смазанные тени.

Позже, уже после боя, разглядывая обугленную тушу, Максим смог рассмотреть их во всех деталях. Экзоскелет оказался не сплошным, а сегментированным, как у земных ракообразных, только пластины были тоньше и покрыты микроскопическими порами — вероятно, для теплообмена. Под бледной, почти прозрачной кожей просвечивали не только синеватые жилы, но и странные, пульсирующие мешочки — возможно, органы, накапливающие радиацию. Конечности крепились к телу под неестественными углами: суставы были двойными, шарнирными, что позволяло твари одинаково быстро передвигаться и по горизонтальным, и по вертикальным поверхностям. Когти, как выяснилось при ближайшем рассмотрении, были не просто острыми — их края были зазубрены, как у хищных динозавров, а внутренняя сторона покрыта микроскопическими бороздками, по которым, вероятно, стекала ядовитая или парализующая слюна. Слепота их была не врождённой, а приобретённой: глаза имелись, но были затянуты плотной, матовой плёнкой — результат мутации от постоянного радиационного фона. Ориентировались они, судя по всему, на инфразвук и тепло: два небольших углубления по бокам головы, лишённые кожи, пульсировали в такт гулу ретранслятора, улавливая малейшие колебания температуры и давления.

Марсход затормозил, проехавшись юзом по щебёнке. Вход в шахту представлял собой массивный технический люк, врезанный прямо в пологий склон насыпи. Металлическая рама вокруг него была изгрызена, покрыта глубокими параллельными бороздами. Вокруг, на утрамбованном жёлтом грунте, валялись куски обшивки — кто-то сорвал их с петель и бросил тут же. На пластике темнели те же следы когтей.

Они вышли наружу. Ветер, слабый, но порывистый, завывал в пустотах обшивки — звук был низкий, утробный, будто огромный зверь скулил где-то за горизонтом. Максима передёрнуло. Он остановился у покорёженного люка, глядя на четыре ровные борозды, прорезавшие металл, как масло.

Аркадий Петрович не проронил ни звука. Он обошёл Максима, деловито осмотрел края люка, затем бесшумно перегнулся через край и заглянул в темноту. Через секунду он исчез в проёме.

Леонид задержался. Он встал рядом с Максимом и заговорил тоном санитарного инструктора:

— Твоя задача минимум на сегодня — это не обоссаться. Лаборатории тесные, так что нюхать твою стирку никому не хочется.

Максим, потерявшись от волнения, задал вопрос, который в другой ситуации показался бы ему глупым:

— А задача максимум?

Леонид улыбнулся. Его потрескавшиеся губы растянулись, обнажив зубы с жёлтым налётом:

— Максимум? Хм... Максимум — это случайно не отстрелить себе башку, когда всё-таки обоссёшься.

Спуск был долгим. Вертикальная лестница уходила вниз, в шахту, где царил мрак, подсвеченный редкими аварийными плафонами. Половина из них была разбита — осколки пластика хрустели под ногами. Воздух стал другим. Сухой жар пустыни сменился влажным, спёртым холодом, пропитанным запахом озона и тухлой органики. Кисло-сладкая вонь гниющего мяса мешалась с едкой химией изоляции. Кабели на стенах висели лохмотьями, и на одном из поворотов оголённый провод бил в металлическую арматуру, рассыпая голубые искры. Каждая вспышка на мгновение выхватывала из мрака их напряжённые лица.

Тишина в тоннелях была неполной. Где-то в глубине капала вода, мерно, с интервалом в несколько секунд. И сквозь этот ритм прорезался новый звук — сначала шорох, будто крыса пробежала, затем сухой, частый стрекот, напоминающий увеличенное во сто крат стрекотание кузнечика.

Максим рефлекторно потянулся к фонарю на рукаве, пытаясь сделать свет ярче. Леонид остановил его движение плавным, но железным движением, опустив его руку вниз:

— Свет их привлекает.

Первый ящер появился из темноты бесшумно, если не считать стрекота. Он был размером с крупную собаку — с овчарку. Бледная, почти полупрозрачная кожа, под которой угадывались синеватые жилы. На спине — сегментированный экзоскелет, матово-чёрный, влажно блестящий в тусклом свете. Лапы длинные, неестественно вывернутые в суставах, заканчивались тремя когтями, которыми он скрёб по металлическому полу. Хвост, усеянный костяными наростами, волочился следом, выписывая ленивую змеиную дугу. Пасть приоткрылась, и Максим увидел частокол мелких, загнутых внутрь зубов, мокрых от слизи. Ящер двигался дёргано, наклоняя голову то влево, то вправо, и шумно втягивал воздух через ноздри-щёлочки.

Леонид выстрелил первым. Короткий, сухой треск — будто порвали толстый лист пластика. Вспышка ослепила на долю секунды, выбелив коридор до состояния фотонегатива. Тварь отбросило назад, впечатав в стену с влажным, тяжёлым шлепком. На металлической обшивке остался обугленный, дымящийся силуэт. Запахло палёной шкурой, сладковато-тошнотворно.

И тут коридор взорвался движением.

Из темноты, откуда-то из-за поворота, хлынули новые особи. Их было не меньше пяти. Они двигались рывками, цепляясь когтями за стены и потолок, издавая тот самый частый, сводящий скулы стрекот.

Леонид перехватил оружие двумя руками, расставил ноги и открыл беглый огонь. Теперь он напоминал не учёного, а солдата из боевого фильма: лицо окаменело, глаза превратились в щёлки, каждое движение было скупым и выверенным. Аркадий Петрович прикрывал тыл.

Старик стоял, уперев приклад в плечо, и стрелял одиночными. Каждый выстрел — короткая вспышка и глухой удар. Каждый выстрел находил цель.

Максим вжался в стену позвоночником, чувствуя холод металла сквозь комбинезон. Он пытался контролировать дыхание, но воздух выходил рваными, судорожными толчками. Прямо перед ним Леонид уклонился от летящего на него ящера — тот прыгнул, вытянув передние лапы, но человек ушёл вбок, и тварь врезалась в стену. Леонид выстрелил практически в упор. Брызги слизи — густой, желтоватой, тягучей — окатили его комбинезон. Мужчина даже не поморщился.

Бой кончился. В коридоре повисла тяжёлая, плотная тишина, нарушаемая только шипением остывающего ствола да редким потрескиванием обугленных туш. Вонь стояла невыносимая — горелая плоть, озон, кислота аккумуляторов. Леонид носком ботинка перевернул ближайшую тушу и брезгливо осмотрел результат. Затем он поднял с пола инструментальную сумку и бросил её Максиму. Тот поймал её на рефлексах, чуть не выронив.

— Уборка — тоже часть науки, — бросил Леонид, даже не глядя в его сторону.

Максим, оттаскивая тяжёлую, ещё дымящуюся тушу, поймал себя на мысли, что испытывает странное, почти научное любопытство. Как эти существа вообще возникли? Эволюция не могла создать их за считанные десятилетия. Значит, это были не просто мутанты — это были химеры. Скорее всего, результат горизонтального переноса генов: радиация разрушила клеточные мембраны каких-то простейших марсианских микроорганизмов, сохранившихся в подповерхностных льдах, и их генетический материал смешался с ДНК земных бактерий, занесённых сюда первыми колонистами. А потом — десятилетия бесконтрольного размножения в тепле и радиации подземных тоннелей. Целая экосистема, возникшая буквально из грязи и ошибок. И они, учёные, даже не подозревали о её существовании, пока твари не начали грызть кабели. Вот она, ирония: Марс, который все считали мёртвым, породил свою собственную, уродливую, но живую жизнь. И эта жизнь теперь пыталась убить своих создателей.

Максим, ещё бледный, двигался как в тумане. Леонид и Аркадий Петрович уже растаскивали туши, освобождая доступ к настенной панели. Леонид вскрыл пластиковый щиток и углубился в переплетение кабелей. Его пальцы перебирали изоляцию, но лицо быстро изменилось.

— Не понял...

Кабели были целы. Ни одного перекуса, ни одного разрыва.

Аркадий Петрович стоял чуть поодаль, изучая датчики на переносном планшете. Максим же, пытаясь подавить тошноту и отвлечься, бросил взгляд на приборы, торчащие из сумки. На маленьком экране планшета пульсировал график энергопотоков.

Он нахмурился и придвинулся ближе.

Всплески напряжения скакали, как кардиограмма в припадке. Огромные пики сменялись провалами. Но что самое странное — кабели на этом участке были целы. Ни один зубец, ни один коготь не замкнул цепь. Энергия вела себя так, будто где-то в нескольких сотнях метров шла колоссальная утечка. Или, наоборот, приток.

Максим подошёл к Леониду, держа планшет перед собой, как доказательство:

— Постойте, тут что-то не так. Это не могли быть эти... твари.

Он взглянул в сторону дымящейся туши, потом на слизь, всё ещё стекающую по рукаву Леонида, и на секунду осёкся, будто до сих пор не веря, что всё это реально. Затем снова заговорил, быстрее:

— Смотрите: нагрузка скачет, а кабели целы. Ни одного разрыва.

Леонид бросил взгляд на Аркадия Петровича. Тот чуть заметно нахмурился — едва уловимое движение бровей, но Максим его уловил.

— Это старое железо, — Леонид отмахнулся от планшета, как от назойливой мухи. — С ним всё время что-то не так. И скоро ты в этом сам убедишься.

Максим открыл рот, чтобы возразить, но в этот момент запищал сигнал вызова на рукаве у Аркадия Петровича. Короткий, настойчивый зуммер, отразившийся эхом от голых стен. Старик поднёс коммуникатор к уху, выслушал, и его лицо потемнело. Он заговорил — впервые при Максиме. Голос у него оказался низкий, сухой и какой-то пепельный:

— Так, успокойтесь. У нас война. Вчера был двусторонний обстрел. Судя по всему, повреждён ещё и ядерный реактор частного сектора и ещё...

Он сделал странную паузу. Словно переступил через слово, которое чуть не сорвалось с языка.

— ...кое-что, что мы должны починить. Потом решим, что делать с этим.

Он развернулся и быстрым шагом направился к выходу. Леонид, не проронив ни слова, двинулся следом. Максим остался стоять на месте, прижимая к груди планшет с пульсирующим графиком. Их спин удалялись в полумрак тоннеля.

— Война?! — выкрикнул он им вслед. — Обстрел?! Стой... те...

Его голос сорвался на высокую, почти мальчишескую ноту:

— Вы что, даже не ответите?!

Шаги стихли в глубине шахты. Лишь искрящийся кабель на стене продолжал отбивать свой неровный, электрический ритм.

Глава 3. Частный сектор

Марсоход снова нёсся по жёлтой пустыне, но теперь внутри салона висела другая тишина — вымотанная, спёртая, пропитанная кислым запахом пота и остатками озона, вьёвшегося в одежду. Леонид сидел за рулём, плечи его опустились, движения стали резче, грубее — он дёргал рычаги с какой-то механической, безжалостной силой. Лицо его, покрытое мелкой пылью, было абсолютно спокойным, как у человека, который давно перестал удивляться. Аркадий Петрович, как всегда, смотрел в окно. Его отражение в грязном стекле — серое, неподвижное — казалось частью пейзажа. Максим сидел, вжавшись в угол, и переводил сумасшедший, изучающий взгляд с одного на другого. Его пальцы безотчётно тёрли планшет, лежащий на коленях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.